

УДК 811.512.145

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-64-69

ЖИЛ ('ВЕТЕР') КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ)

© Гульнара Замалетдинова, Мадина Саттарова

GIL ('WIND') AS A LINGUOCULTURAL SYMBOL IN THE TATAR LINGUISTIC CONSCIOUSNESS (BASED ON PROVERBS)

Gulnara Zamaletdinova, Madina Sattarova

The article is devoted to the linguocultural study of the concept *zhil* ('wind') based on Tatar proverbs, in which the concept under study is verbalized as a reflection of national consciousness and culture. This element is one of the universal categories of the conceptual picture of the world. The study of concepts in the paremiological system provides a better understanding of ethnic consciousness and mentality as the reproduction of a paremiological unit creates a certain image in the mind of a native speaker.

This article considers the symbolic understanding of *wind* in the Tatar linguistic consciousness taking into account its characteristic features, such as air movement, strength, elusiveness, possible harm and wind energy. In the minds of the Tatars, the wind is perceived not only as the embodiment of everyday problems, poverty and hunger, but also as a powerful force that relieves grievances and sorrows, heals people's body and soul.

In Tatar proverbs, one can also define the functions of the wind: it can lead to the loss or destruction of something, acts as an intermediary for the transmission of information and brings good luck.

In the article, *zhil* ('wind') as a linguocultural concept, is interpreted in conceptual, figurative and axiological aspects.

Keywords: linguistic picture of the world, mentality, Tatars, Tatar language, paremia, concept, *zhil* ('wind')

Статья посвящена лингвокультурологическому исследованию концепта *жил* ('ветер') на основе татарских паремий, в которых изучаемое понятие вербализуется как отражение национального сознания и культуры. Данный концепт является одной из универсальных категорий концептуальной картины мира. Изучение концептов в паремиологической системе дает лучшее понимание этнического сознания и ментальности, потому что при воспроизведении паремии в сознании носителя языка возникает определенный образ, созданный этой паремиологической единицей.

В данной статье авторы рассматривают символическое осмысление *ветра* в татарском языковом сознании, обусловленное его такими характеристиками, как движение воздуха, сила, неуловимость, вероятность причинения вреда и возможность использования энергии ветра. В сознании татар ветер воспринимается не только как проявление жизненных проблем, нищеты, голода, но и как могучая сила, которая избавляет от обид и печалей, исцеляет тело и душу человека.

В татарских паремиях можно определить и функции ветра: он может привести к потере, уничтожению чего-либо, выполняет роль посредника передачи информации, приносит удачу.

В статье *жил* ('ветер') как лингвокультурный концепт осмысливается в понятийном, образном и ценностном аспектах.

Ключевые слова: языковая картина мира, менталитет, татары, татарский язык, паремия, концепт, *жил* ('ветер')

Для цитирования: Замалетдинова Г., Саттарова М. Жил ('ветер') как лингвокультурный символ в татарском языковом сознании (на материале паремий) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 64–69. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-64-69

На современном этапе развития татарской лингвистики проблемы взаимосвязи языка, мышления и национальной культуры находятся в

центре внимания ученых Казанского федерального университета. В последние десятилетия появились труды по лингвокультурологии Р. Р.

Замалетдинова, Г. Ф. Замалетдиновой, Р. Р. Закировой, Р. С. Нурмухаметовой, М. Р. Саттаровой, Д. Х. Хуснутдинова и др. Однако концепт *жыл* на материале татарского языка пока не исследовался, чем обуславливается выбор нашей темы. Целью работы является лингвокультурологическое исследование содержания и особенностей концепта *жыл* ('ветер') на материале паремий путем выявления и анализа языковых средств, репрезентирующих данную концептосферу в татарской лингвокультуре.

В исследовании применялись методические приемы лингвистического анализа, такие как описательный метод, теоретический метод, метод анализа словарных дефиниций, а также культурологический и лингвокультурологические методы анализа.

Географические и климатические условия народа, его быт, религиозные воззрения, обычаи накладывают глубокий отпечаток на его систему понимания мира, и поэтому восприятие окружающей действительности у одного народа отличается от восприятия другого. Каждая нация видит мир по-своему, пропускает его через свое национальное сознание. Языковая картина мира также связана с менталитетом народа.

Язык – не только фон, необходимый для характеристики социальной особенности коллектива, коммуникации, но и необходимая предпосылка для понимания человеком мира. Язык каждого этноса является неотъемлемой частью народной культуры, необходимым органом для исследования, познания и самореализации национальной культуры [1, с. 20].

Восприятие внешнего мира, окружающих явлений и разделение предметов на разные категории связаны с особенностями сознания человека, с его мыслительной деятельностью и раскрываются с помощью термина «концепт». Ключевые понятия являются особенно важными в понимании специфики конкретных культур. Их можно анализировать как базовую концепцию, вокруг которой могут быть организованы многие области культуры.

Фонд паремиологических единиц языка, несомненно, важен для лингвокультурологии и теории концептов, поскольку он позволяет реконструировать наиболее важные стереотипы массового национального сознания.

Паремии – это воплощенные в слове «стереотипы народного сознания» [2, с. 43]. Они отражают в себе различные стороны духовной жизни, обряды, традиционные виды трудовой деятельности. Поэтому фонд паремиологических единиц языка является источником интереса для лингвокультурологии, поскольку позволяет изучать

важнейшие лингвокультурные константы, особенности народной мысли. Обобщая многовековой опыт и наблюдения народа, пословицы отражают правила жизни, поднимают их до уровня социально значимых и общепризнанных закономерностей.

Служа средством сохранения и передачи народного опыта, паремиологические единицы, составляющие особое устойчивое состояние этнического мировоззрения, соприкасаются с концептами, являющимися своеобразными вариантами понятий. Эти концепты составляют когнитивную базу мировой языковой картины мира.

Традиционное видение общества фиксируется в памяти на основе социальных связей, выражающих личную зависимость человека от человека. Характерным воплощением этих социальных связей являются традиции, выражающие уже сложившиеся (закрепившиеся) порядки, неписанные правила поведения в быту, обычаи. Традиции охватывают все материальные и духовные ценности и воплощаются в элементах социально-культурного наследия.

Национальное своеобразие афористического фольклора выражается в отношении каждого народа к действительности, в исторически своеобразном понимании мира, в его литературных обобщениях.

Изучение паремий, содержащихся в 3-томном сборнике Наки Исанбета «Татар халык мәкаллары» («Татарские народные пословицы») [3], позволяет выделить их значения, определяемые культурой, в языке, рассмотреть когнитивные методы формирования наиболее значимых культурных стереотипов. Поэтому при репрезентации концепта *жыл* ('ветер') в качестве иллюстративного материала нами использованы паремические единицы из указанного сборника.

В толковом словаре татарского языка слову *жыл* дано следующее определение: Жыл ('Ветер') *суц.* 1) движение воздушного потока, возникающего над землей в результате изменения атмосферного давления; 2) *перен.* воздушные волны, возникающие при быстром движении чего-либо; 3) *перен.* начальные признаки какого-либо события; перемена; 4) *перен.* что-то сильное, шумное [4, с. 776].

Когда мы слышим слово *жыл* ('ветер'), то сначала воспринимаем его значение как физического явления. В паремиях, рассматриваемых как концепты, появляются и другие его значения.

В записях Ибн-Фадлана содержатся сведения о *Боге ветра*. Эта информация позволяет предположить, что когда-то в тюркской мифологии существовал *Жыл Тәңре* ('Бог ветра'). Позже он мог быть причислен к злым силам. В древне-

тюркском словаре даны 2 значения слова *ветер*: 1) *jel* – физическое явление, 2) *jel* – злая сила, *Jel bükä* – дракон [5, с. 254].

В мифологии Сибирских татар и Алтайских тюрков встречается еще один образ, атакующий Луну и Солнце, – *Жилбаган* (*Елбегэн*). В словаре Махмуда Кашгари «Диване лугат ат-турк» есть выражение *йети баишыг йелбүкә* [6, с. 913]. В современном татарском языке также встречается вариант «семиглавый дракон».

В эпоху Тенгрианства наблюдалось оживление всего сущего. В их числе был и Бог Ветра. Для его вызова существовали определенные ритуалы и обряды. В настоящее время в поговорках и поверьях сохранился элемент этого призыва. В народе до сих пор говорят: *сызгырсаң, жыл чыга* («если свистнешь, ветер поднимется»); *өйдә сызгырсаң, жыл ыжылдап торыр* («если дома свистнешь, ветер будет гудеть»).

В древности ветер отождествляли с «невидимым духом». Этот дух называли *Жил иясе* («Владычица ветра»), *Жил Анасы* («Мать ветра»), *Жиллар патшасы* («Царица ветров»). Глава ветров носил имя *Ялман*. Также в былые времена наши предки считали, что существует *Буран анасы* («Мать бурана»), которая вызывала ветер, снегопад и метель [7, с. 168]. В татарской мифологии зафиксировано и мифологическое существо под названием *Жилбегэн* (Зильбеган – людоед, многоголовый дракон, обманщик, демон, злой дух) [4, с. 776].

В древнетюркской мифологии *жыл* был символом веселого, шумного, сильного, воинственного персонажа. Хотя никто и никак не может описать облик ветра, в некоторых мифах его сравнивают с лошастью без гривы. Также зафиксирован мифологический образ «крылатого коня» по имени *Жилмая* [4, с. 335].

У тюрков существовала поговорка о легких на подъем людях и лошадях, которые с легкостью, с охотой трогаются с места, могут пойти или поехать куда-либо, – «рожденные ветром». В татарском языке так говорят о ребенке, родившемся вне брака, – «рожденный ветром»; о женщине, родившей внебрачного ребенка, – «родила от ветра». В связи с этим в татарском народе бытуют пословицы: *жылдан туган – Айтуган* («родился от ветра – Айтуган»); *йәтим хатын жылдан буазыр* («жена сирота (то есть вдова) от ветра беременна»); *ишегемнән эт бакмый, тәрәзмәнән жыл какмый* («собака из двери не лает, из окна ветер не стучит») и т. д.

Можно сказать, что в пословицах концепт *жыл* помогает раскрыть характер человека. *Жыл* воспринимается как символ, проявление обманчивости, оболъстительности: *жылга ышанма* («не

верь ветру»); образ, ищущего вины и идущего против тебя: *тишек өйне жыл таба* («где сирота – там слово, где дыра – там ветер»); образ задерживающего, вызывающего затруднения: *бахетсезгә жыл каршы* («несчастному и ветер встречный»); образ сильного, непобедимого: *жылга каршы жикеренмә, сүзең бушка китәр* («не ори против ветра, слово пропадет даром»).

Одна и та же лексическая единица может выражать противоположные значения в зависимости от контекста. *Жилле* («ветренный») означает человека, обладающего сильным чувством собственного достоинства, но не основательного, ненадежного: *егет жылле, чикмәне билле, формасы бар да, нормасы юк* («парень ветренный, в приталенном чикмене, имеет и форму, но нет нормы»); *егет жылле, чикмәне генә кыска* («парень ветренный, но только чикмень коротковат» (*чикмень* – верхняя мужская одежда вроде казаккина).

Перед тем как приступить к несуществующему делу, говорят *иламәгән, текмәгән, иллә жылле туным бар* («не ткали, не сшили, но есть очень хорошая шуба»). При этом встречается высказывание «жилле» («ветренный») о тех, кто ловок, подвижен, находчив, умеет делать все: *жыл идем, житез идем, жиде көндә бер ыштан, бөрмәсе бар, бавы бар, кирәк булса, тагы бар* («ветренный был, ловкий был, штаны за семь дней сшил и со складкой, и веревкой, если надо – еще будет»).

Такие качества человека, как зависть, ревность на самом деле не приносят пользы, а лишь «грызут» человека изнутри. В связи с этим у татарского народа есть пословицы: *күркә жылга симерә* («индюк на ветру толстеет»); *жылга ут симерер* («на ветру огонь толстеет») и т. д.

В сознании татар *ветер* – пуст, его нет: *илгә ышанган – жылга ышанган* («кто верит в страну – тот верит в ветер»); *ага булыр егетнең айткан сүзе им булыр, булыр-булмас егетнең айткан сүзе жыл булыр* («сказанное ага (уважаемым человеком) слово будет лечением, сказанное неотесанным парнем будет ветром»); *карт кеше жылга сүз сөйләми* («пожилой человек не говорит ветру», то есть старик не говорит пустого, бессмысленного слова). В поговорке *ефәк кебек яшьлегеңне жылга әрәм итмә* («не трать свою молодость, как шелк, на ветер») есть сходство с этим же мнением – молодую жизнь не трать впустую, не думай о бесполезном, делай полезное.

Еще одно значение слова *ветер* – «сплетни». В паремиях образно изображается процесс передачи информации от одного человека к другому, в результате информация подвергается измене-

ниям и приобретает приукрашенную, преувеличенную форму: *жыл чәчсәң, давыл урырсың* ('ветер посеешь – бурю пожнешь'); *дөнъяны жыл бозар* ('ветер мир портит'); *жилсез тирәк тибрәнми* ('тополь без ветра не шевелится'); *иске тун жыл тотмас* ('старая шуба ветра не удержит'); *жыл алыр, давыл сатар* ('ветер возьмет, буря продаст') и т. д.

Образ ветра параллельно раскрывается через такие понятия, как голод и нищета: *булса – ашар, булмаса, авызын жылга ачар* ('если есть – поест, нет – то откроет рот ветру'); *жыл йотып торып булмый* ('не получится глотать ветер'); *он сатсам, жыл чыга, тоз сатсам, явым жебетә* ('мuku продаю – ветер выходит, соль продаю – осадки выпадают'); *хәерчегә жыл дә каршы* ('бедному и ветер навстречу') и т. д.

В паремиях четко указывается на то, что зарабатывать средства существования нужно только честным и дозволенным путем: *жилдән килгән жылнеке* ('то, что пришло ветром, – все это его'); *жыл кебек килгән, су кебек китәр* ('пришедшее как ветер, уйдет как вода'); *жиңел табылган жылга китә* ('легко заработанное уйдет на ветер') и др.

Понятие «ветер» содержит в себе и такие значения, которые связаны с жизненными невзгодами: *ялгыз агачны жыл сындыра* ('одинокое дерево ломает ветер'); *ялгыз агачны жыл борган* ('одинокое дерево поворачивает ветер'); *күмәк агач жылне борган* ('скопление деревьев, создавая преграду, меняет направление ветра').

Ветер – начало какого-либо дела, движущая сила: *жыл исми кура селкенми, бер үпми йөрәк жылкенми* ('пока ветер не дует, куст не шевелится; пока не поцелует, сердце не радуется'); *егет жиле белән йөрер* ('юноша ходит со своим ветерком'); *жыл белән ярышма, күләгәң белән узышма* ('не соревнуйся с ветром, не гоняйся за тенью').

Древние тюрки верили, что некие злые силы в виде ветра воздействовали на человека и приносили ему болезни и недуги. Зловещие, порывистые ветры приносили засуху, голод, печаль: *дөнъяны жыл бозар, әдәмне сүз бозар* ('мир испортит ветер, человека – слово'). Существовало поверье, что у ветра есть место происхождения и «жилище» (гнездо ветра).

Злые ветры царят на перекрестках семи дорог, в горах, на скалах. Поэтому эти земли считались опасными и страшными. Например, на перекрестке семи дорог (*жиде юл чаты*) нельзя было строить дома, надворные постройки, собирать фрукты, отдыхать. На перекресток семи дорог бросали заклинательные атрибуты, заколдованные предметы – верили, что ветер унесет бо-

лезни, колдовство. Поэтому на перекрестках ничего не найдешь и не заберешь. Существует также выражение *жиде жыл кочагы* ('объятия семи ветров'). Это возвышенное, не прикрытое ничем место, где с разных сторон дует сильный ветер [4, с. 776].

Перекрестком семи дорог (*жиде юл чаты*) называли и людную местность. Уместно упомянуть и пословицу о семи перекрестках: *икмәгең таза булса, жиде юл чатына чыгып аша* ('если хлеб твой чистый (то есть заработанный своим трудом), выходи на перекресток семи дорог (то есть не стыдно есть заработанную пищу в людном месте)').

Словосочетание *jel taart*, данное в древнетюркском словаре, означало, что удар ветра вызывает болезнь [5, с. 254]. В настоящее время такое поверье существует и у татар. Если из-за холода, сквозняков и ударов ветра в организме возникают заболевания в результате простуды, говорят *жыл бәргән* ('ударил ветер'). Прикосновение ветра – воздействие на организм человека. «*Жыл җелеккә үтәр* ('ветер проникнет до костного мозга')» – говорят татары, когда из-за холодного ветра организм охладился. А вот *битне жыл ашау* ('поедание лица ветром') приводит к тому, что кожа лица становится шелушащейся. Если плохо вытереть лицо и руки, кожа будет раздвигаться ветром: сохнуть и трескаться.

Болезнь *жыл чәчәге* ('ветряная оспа, ветрянка') передается от человека к человеку через ветер, воздух и органы дыхания. Ветер уносил всякие болезни и порчи, как и приносил: *жилдән килгән жылга оча* ('пришел с ветром и улетит на ветер'); *авызыннан жыл алсын, илтеп куеныңа салсын* ('пусть ветер изо рта возьмет и на грудь положит').

Самое страшное для человека – это *әжәл жиле кагылу* ('прикосновение Ветра-смерти'). От этого уже нет лекарства. Человек, затронутый ветром смерти, теряет интерес к жизни либо морально (ни в чем не нуждается, устал от жизни в этом мире, путается с прошлым и т. д.), либо физически (страдает неизлечимой болезнью и т. д.). От боли, страданий, болезни и порчи избавляли заговорами. Важнейшие элементы этого ритуала – молитва, заклинание. Верили, что если злой, сильный ветер принесет болезнь, то медленный ветер, дующий против нее, выведет болезнь из человека.

Кроме этого, у татар существует поверье, что если приснился плохой сон, то на рассвете надо рассказать свой сон ветру: *күргәнеңне жылга сөйлә* ('увиденное расскажи ветру') или *авызыңнан жыл алсын* ('пусть ветер унесет изо рта'). Считалось, что ветер уносит дурные мыс-

ли, и тем самым человек освобождается от душевного угнетения и страха.

В паремиях можно отметить следующие функции ветра:

– ветер приводит к потере, уничтожению чего-либо: *караишлар аерылса, махэббат жылга оча* ('когда взгляды расходятся, любовь летит к ветру'); *үпкән-кочкан жылга очкан, өстенә үскән үлән* ('поцелуи и объятия улетели с ветром, а над ними растет трава'); *жиңел табылган жылга китә* ('то, что заработано легко, – уходит на ветер');

– ветер выполняет роль посредника передачи информации: *хэбәрәңне сал жылларга* ('свое сообщение передай через ветер'); *жыл йөгерең хэбәр йөртә* ('ветер, бегая, приносит новость') и др.;

– ветер приносит удачу: *Ыспайның ырысын (бэхетен) жыл китерер* ('Хорошо одетому ветер счастье принесет').

Подводя итоги, следует отметить, что в представлении татарского народа *ветер* является сложным, многогранным понятием. В народном сознании оно проявляется в 3 основных значениях:

- ветер – могучая сила: он-вестник, избавитель от обид и печалей;
- ветер – разрушительная сила: он приносит болезни, засуху, голод, печаль, разрушает порядок, баланс;
- ветер – божественная сила: он исцеляет, успокаивает.

Таким образом, татарские паремии способствуют раскрытию в сознании нации сохранившихся представлений о *ветре*. В основе этой лексемы лежат специфические типы понимания татарами мира, жизни, общность личных переживаний человека.

Следовательно, лингвокультурное исследование татарских паремий – необходимая ступень в описании татарского и, в более широком плане, тюркского реального мира, поскольку в пословицах отражаются основные стереотипы народного сознания, нравственные правила и идеалы, присущие национальной культуре. Когнитивная направленность актуальных лингвистических исследований способствует исследованию паремиологического фонда языка как источника информации о менталитете населения и его особенностях.

Исследование выполнено в рамках темы ФПСР-2/24

Список источников

1. Замалетдинов Р. Р. Внутренний и внешний мир носителей татарской культуры через призму языка. Казань: Издательство Казанского университета, 2003. 208 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
3. Исәнбәт Нәкый. Татар халык мәкальләре: мәкальләр җыелмасы. 3 томда. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2010. Т.1. 622 б.; Т.2. 748 б.; Т.3. 799 б.
4. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: «Матбуган йорты» нәшрияты, 2015. 848 б.
5. Древнетюркский словарь / Составители Тенишев Э. Р., Наделяев В. М., Насилов Д. М., Щербак А. М. Ленинград: Издательство «Наука», 1969. 676 с.
6. Кашгари М. Диване лугат ат-турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А.М.Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
7. Миллият сүзлеге: Аңлатмалы сүзлек / Төзүчесе Адлер Тимергаллин. Казан: Мәгариф, 2007. 575 б.

References

1. Zamaletdinov, R. R. (2003). *Vnutrennii i vneshnii mir nositelei tatarskoi kul'tury cherez prizmu yazyka* [The Inner and Outer World of the Bearers of Tatar Culture Through the Prism of Language]. 208 p. Kazan', izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. (In Russian)
2. Maslova, V. A. (2001). *Lingvokul'turologiya* [Cultural Linguistics]. Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii. 208 p. Moscow, izdatel'skii tsentr "Akademiya". (In Russian)
3. Isənbət Nəkyi (2010). *Tatar khalyk məkal'ləre: məkal'lər җыелмасы* [Tatar Folk Proverbs: A Collection of Proverbs]. 3 tomda. T. 1. 622 p.; T. 2. 748 p.; T. 3. 799 p. Kazan, Tatarstan kitap nəshriyatı. (In Tatar)
4. *Tatar telenen aňlatmalı syzlege* (2015) [An Explanatory Dictionary of the Tatar Language]. 848 p. Kazan, "Matbugan jortı" nəshriyatı. (In Tatar)
5. *Drevnetyurkskii slovar'* (1969) [Old Turkic Dictionary]. Sostaviteli E. R. Tenishev, V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, A. M. Shcherbak. 676 p. Leningrad, izdatel'stvo "Nauka". (In Russian)
6. Kashgari, M. (2005). *Divane lugat at-turk* [A Collection of Turkic Dialects]. Perevod, predislovie i kommentirii Z.-A. M. Auezhovoi. Indeksy sostavleny R. Ehrmersom. 1288 p. Admaty, Daik-Press. (In Tatar)
7. *Milliyat syzlege: Aňlatmalı syzlek* (2007) [Nationality Dictionary: Glossary]. Tözychese Adler Timergalin. 575 p. Kazan, Məgarif. (In Tatar)

The article was submitted on 26.10.2024
Поступила в редакцию 26.10.2024

Замалетдинова Гульнара Фандасовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
старший научный сотрудник НОЦ
стратегических исследований в области
родных языков и культур,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
gulya.gali1973@mail.ru

Саттарова Мадина Рашидовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
старший научный сотрудник НОЦ
стратегических исследований в области
родных языков и культур,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
m-sattarova@mail.ru

Zamaletdinova Gulnara Fandasovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Senior Researcher in the SRNLaC Research
Group,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
gulya.gali1973@mail.ru

Sattarova Madina Rashidovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Senior Researcher in the SRNLaC Research
Group,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
m-sattarova@mail.ru